первое небо

УДК 82-1
ББК 84-5
К 79

Курмангалина Яна-Мария

К 79 Первое небо: стихи. Томск: ИД СК-С, 2015. — 110 с.

ISBN 978-5-904255-34-3

«Первое небо» — третья поэтическая книга Яны-Марии Курмангалиной, куда вошли несколько текстов из предыдущей книги («Вид из окна, 2008 г.), а так же избранные стихи последних двух лет. Украшением книги, адресованной широкому кругу любителей русской поэзии, являются иллюстрации фотохудожника Андрея Тарасова.

© Курмангалина Я.-М., стихи, 2015
© Фото и идея обложки: Курмангалина Я.-М.
© Фотоиллюстрации в книге: Тарасов А.
© ИД СК-С, 2015

ISBN 978-5-904255-34-3

Покуда снег, как из небытия,
кружит по незатейливым карнизам,
рисуй о смерти, улица моя,
а ты, о птица, вскрикивай о жизни.

Иосиф Бродский

— У вас есть одно новое сообщение.

Автоответчик

Тонкие настройки

Яна-Мария Курмангалина — поэт осенний. И по дате рождения, и по ощущению длящегося времени года. Не той яркой осени, которая «очей очарованье», а поздней, с её дождём-снегом в лицо и промозглыми сквозняками. Данностью, от которой никогда и никуда сбежишь. И хотя «тёплое сердце в холодных пространствах» — тема вечная, всё же лежащая перед нами книга — не о преодолении этих пространств, а об искусстве жить в них, именно в этой холодной данности. Сырой промозглый пейзаж зыбок, в нём ничего нельзя навести на резкость, и возможно, именно в этой эстетике размытости — спасение от отчаяния. Дрожащее кино, капли на объективе, смазанные силуэты, размытые образы. Не случайно стихи Яны почти лишены цвета.

Лирическая героиня Курмангалиной — человек городской. Привычный маршрут: от кафе — до метро — до дома. Сквозь сырость, сквозь тоску, к себе. Капли на стекле. Кофе и сигареты. Книги и фильмы. «Одиночное гетто». Но только в своем интимном пространстве можно быть собой, «творить слово» и «падать в небо ничком». А где же ещё — это ведь город:

стучишься зябкою рукою
и понимаешь — не откроют
исчезли вымерли ушли

И хотя Москва названа по имени, московский локус здесь не срабатывает. Присутствует этакое обобщённо-мегаполисное пространство, где настоящих контактов с себе подобными как-то не получается: то и дело понимаешь, что «не вышло разговора». Мегаполис ведь требует своих ролевых игр, своего энергосберегающего этикета:

ни о чём в словесном плывем тумане
где сказать о главном — удар под дых

Наверное, именно поэтому так много неопределённости в этих стихах. Неопределённость — это тоже отсутствие тепла и отсутствие цвета:

вокруг ни времени ни века
ни тьмы ни света ни земли

когда никто ни грустен и ни рад
когда никто не позовёт назад
никто ни боль ни горечь ни распад
ни рай ни ад

никому не пишу — никуда ниоткуда
мне не пишут в ответ — ни о чём никуда

Но поэт — нет, важно, что именно поэтесса! — на стужу не обижается, не её амплуа. Тем более никого не обвиняет. Она не обличитель и не мастер по ремонту действительности. Скорее, сама объект этого мастера — стойкий оловянный солдатик, или одна из горожанок, что притворяются фарфоровыми Асями и Настями, а это, в конечном итоге, одно и то же. Хрупкость и стойкость — вся их защита. И даже когда часовщик «говорит — сломалось сердце / безнадёжная поломка», это ничего не меняет. Для жизни в этом городе сердце, вроде бы, гаджет излишний, проживём без сердца. Вот тут и накатывает на лучших «тоска тридцатилетних», когда жизнь кажется «промотанной в отзвуках и мотивах», а иллюзии превратились в ледяной сквозняк. Лучше сделать вид, что об этом не думаешь, даже когда тебя убеждают:

не твори себе слово не падай в небо ничком
цифры не пахнут и не болят
ты ведь знаешь что это единственно
верный ход

А ведь действительно, именно неба не хватает в этом пасмурном и статичном пространстве. Но стоит только поэту осознать эту нехватку, да ещё и сказать об этом вслух, как что-то меняется — свет и тепло начинают прорастать травой сквозь мёртвые льды и служить предвестниками будущей «горячей бури».

К тому же срединный возраст имеет свои преимущества: так чёрно-белое кино оживает и приобретает цвет, когда рядом с тобой ребёнок. Твой ребёнок

или «ты-ребёнок», сборы в детсад или возвращение в собственное детство, яркость и отчётливость, тепло и отзывчивость. Вот здесь-то и происходит настоящая коммуникация, более того, ловится ответный сигнал, и оказывается, что твоя «хрупкая мятежность» ещё не утрачена:

мы везунчики джонни в небо сквозь снег и лёд

И вообще, можно жить так, будто

…внутри не январь а бродячий хмельной
беспокойный июль
и летит тополиный пух

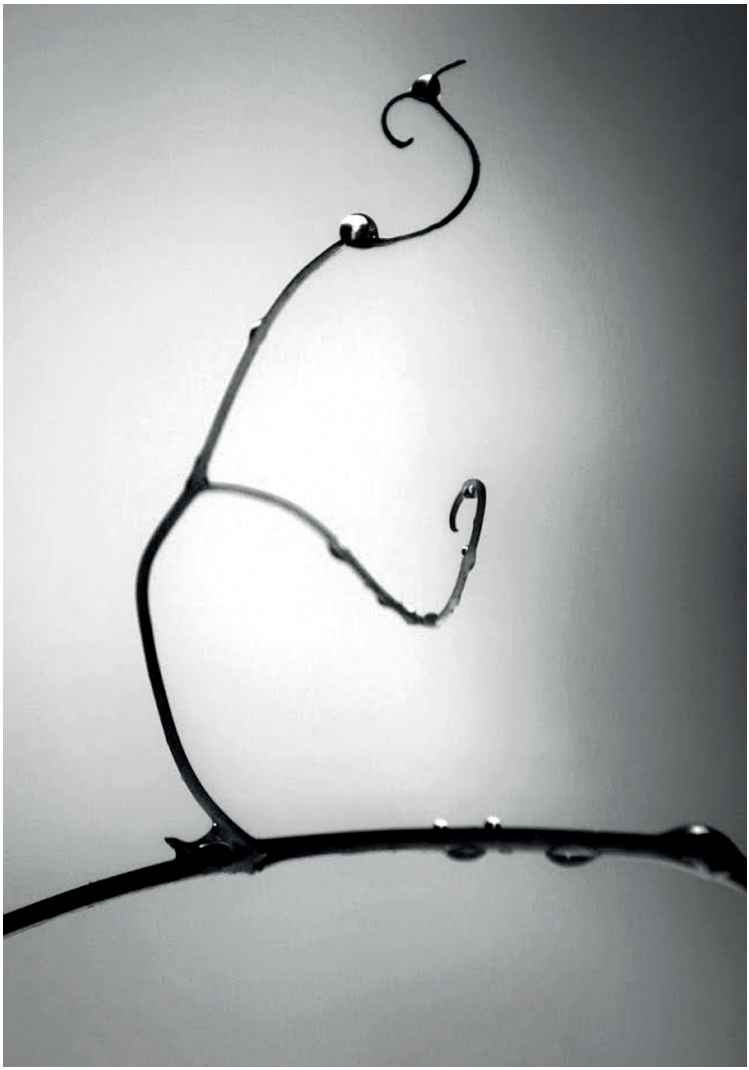
А главное — никто не мешает, обретя устойчивость, документально фиксировать мир, этот колючий, стылый, ветреный мир, швыряющий тебе в лицо снежную метафизическую кашу. Поэтому монтаж этой книги, сцепление стихотворений-кадров — совершено кинематографичен, с присущими кино сменой темпов и ракурсов съёмки, угадываемыми параллелями, чередованием панорам и «макро» — всем этим разнообразием, кристаллизующимся вокруг смыслового ядра. И тогда на уровне целого видны уже не переживания обиженной «то ли Кати, то ли Насти», а «хищный глазомер простого столяра» и строгие рёбра жёсткости там, где поначалу виделся лишь бесформенный туман.

Яна-Мария Курмангалина демонстрирует нам стальной стержень внутри кажущейся хрупкости. И главное для неё — не преодоление пасмурных пространств, а чувство конечной цели — не участвуя в общей суете, оставить «полстрочки в общей земной тетради».

Это тонкая настройка — чувствовать и жить, как будто кто-то свыше держит тебя за руку «меж небом и землёй».

Героиня не жалуется — вот что дивно.
Так и держимся.
Sola fide.

Ирина Василькова



кинематография

эпизод I

это кто-то шепчет внутри мотор
это кто-то стреляет в тебя в упор
это твой двойник он к тебе приник
это твой двойник ты — его родник

(виноградная у меня тоска
как лоза тонка у неё рука
виноградные у неё глаза
целовать нельзя
целовать нельзя)

а зачем пришёл ты мой враг мой брат
гераклит мой тёмный мой друг сократ
если был я в чём-то и виноват
только в том что кровь моя — виноград

(виноградная у меня тоска
как лоза тонка у неё рука
виноградные у неё глаза
целовать нельзя
целовать нельзя)

я не брат не враг не отец не сын
я пришёл к тебе ибо ты один
я пришёл мой гений мой визави
виноградной песней твоей любви

(виноградная у меня тоска
как лоза тонка у неё рука
виноградные у неё глаза
целовать нельзя
целовать нельзя)

эпизод II

ночь улица фонарь аптека
вокруг ни времени ни века
ни тьмы ни света ни земли

стучишься зябкою рукою
и понимаешь — не откроют
исчезли вымерли ушли

ты смотришь из остатка марта
в окно и в сумраке инфаркта
твердишь а вдруг не просмотри

своё спасенье — человека
но — улица фонарь аптека
заканчиваются внутри

эпизод III

человек завёрнутый в оболочку
хриплого вздоха больную почку
взгляда под минус восемь когда
всё вокруг — лабуда
кроме любви приходящей ночью
в сон такой настоящий точно
жизнь соразмерная всем мечтам
явью осталась там
а не здесь где кресло и телевизор
хриплый кашель чувство что дует снизу
и в глазах туманная эта взвесь
от того что любовь — не здесь
человек завернутый в оболочку
засыпает так словно ставит точку
каждый раз на жизни застывшей вне
улыбается он во сне

***

по ночам из сети он качает порно
она спит и во сне говорит — мне грустно
ему кажется всё это слишком вздорно
а ей кажется всё это слишком пусто
он губу закусив проверяет почту
он пакует файл отправляет другу
а она во сне повторяет строчку
из какой-то песни и всё по кругу
говорит — мне грустно такое дело
говорит — я вижу тебя так мало
говорит — мне холодно мёрзнет тело
и отбрасывает одеяло
он глядит на неё на экран с экрана
на неё в экран на неё и кто-то
в голове вздыхает — вставать так рано
потому что поздно а там — работа
отключает сеть и идёт к жене
и ложится — спина к спине

***

у тебя на днях сломалась
то ли катя то ли настя
то ли ася из пластмассы
то ли кора из фарфора
говорила настя — мама
говорила ася — здрасте
но взяла да замолчала
и не вышло разговора

ты прикладываешь ухо —
и не плачет и не хнычет
и фарфоровому взгляду
все давно уже не рады
у неё лицо белуччи
у неё внутри давинчи
то ли катя то ли кора
ну чего ты ну не надо

нет спасенья вечерами
ни в одном из мураками
отчего же в этих настях
всё устроено так тонко
мастера сказали — поздно
часовщик развел руками
говорит — сломалось сердце
безнадёжная поломка

люди и игры

Он встаёт на работу — рассвет ещё
не дотронулся до окна.
Проверяет винтовку и смерть отсчёт
начинает. Встаёт она —

на другой планете, в такой же час.
У неё болит голова.
Коаксил ненадолго (была права
та врачиха) в который раз.

У него на утро по плану цель —
жертва поймана на прицел.
У неё любовник из класса vip,
он серьёзно во что-то влип.

Так они и встретятся — все втроём,
и сойдутся вокруг миры,
белый ангел от боли сгорит живьём,
чёрный ангел останется при своём:
третий лишний. Конец игры.

***

не сиди-ка дома не дуй на воду
вспомни оду городу
пешеходу
вот народ спешащий по гололёду
в переходы
резво
не зная броду
на своих двоих
на двоих гудящих
осторожных
сколько прямоходящих
лены паши оли наташи саши
из метро на волю по снежной каше
кто постарше — падая
помоложе —
спотыкаясь
скользко
ну отчего же
так смешно что просто мороз по коже
все идут ты тоже
идёшь
ты тоже
из того же племени
напрочь скуку
по снегам со смаком
по льду со стуком
каблуков
пусть смотрят глядят без звука
кто там свыше держит тебя за руку

***

и вся её москва второй подъезд
семнадцатый этаж за мкадом лес
закат в окне похожий на порез
и лицевой парез

ей хорошо ей очень хорошо
в чистилище в каморке нагишом
мечтать чтоб не пришёл и чтоб пришёл
ей очень хорошо

так жить одной не выходя на свет
так жить как будто вовсе не в москве
с бессонной невесомой головой
меж небом и землей

когда никто ни грустен и ни рад
когда никто не позовёт назад
никто ни боль ни горечь ни распад
ни рай ни ад

сахара

разлилась в пустыне синяя тьма окрест
и молчит в бархане где ветер стирает след
перевернутый мой биплан малый южный крест
через час рассвет

через час загорится небо просохнет лоб
онемеет нёбо станет белым-бело
у меня по рукам тепло по ногам озноб
по глазам — светло

отзовутся звонками красные позвонки
засвистит и войдёт огонь как стрела в висок
и восстанут из боли сфинксы да их стрелки
будет жечь песок

а пока золотая сахара шепчи сквозь пыль
колыбельную песню покуда ещё не дно
потому что живое сердце на сотни миль
у тебя одно

обними его ветром согрей синеву и лед
обними горизонтом песчаным холмом укрой
и когда горячая буря во мне взойдёт
стану я тобой

***

а она выплывала из моря и видел я
что её глаза серебристы и чешуя
отливает платиной белой была рука
и я вспомнил песнь о дочери рыбака

и я вспомнил песнь невиданной красоты
о любви безумной какой не узнаешь ты
о любви греховной низменной неземной
а она шептала что это было со мной

посмотри на меня шептала ты был любим
мой приплывший негоциант а я за другим
была замужем крепче чем сотня земных оков
так у нас было принято — замуж за рыбаков

так у нас было принято чтобы неверных жен
приводили на самый высокий над морем склон
и бросали вниз туда где морская глыбь
превращала любовниц наполовину в рыб

я смотрел на неё раскалывалась голова
небеса и звёзды складывались в слова
и земные звуки с берега нёс муссон
это всё не сон шептала мне всё не сон

говорила мне тьма моя свет мой из века в век
ты приходишь сюда как дьявол и человек
и скрипел дощатый прогнивший почти настил
а под ним колыхалось море и я не жил

***

разговор в кофейне зыбок словно бриз
я сижу рисую рыбок как матисс
голубей больных на ветке корабли
я рисую на салфетке как дали

а вокруг глинтвейн разносят и покой
по тверской блуждает осень по ямской
по асфальту — серой жиже — тут и там
как слепой дега в париже — по мостам

за окном намокший пушкин и бульвар
выпьем с горя где же кружка и словарь
крепкий кофе сигареты аква блю
нет ответов нет секретов не — люблю

***

закруглённого неба скомканный парашют
в рюкзаке холщовом с наклейкой из дальних мест
расскажи мне кто ты и как тебя назовут —
в середине голоса с миром наперевес

у меня с расстояния вытянутой руки
полумёртвый город обветренные дома
расскажи мне как ты — с жизнью ли напрямки
расскажи мне где ты — я не найду сама

по забитым полкам скарб мой словесный весь
из походных сумок — стопками по местам
расскажи мне где ты — я не смотрела здесь
расскажи мне кто ты — я не искала там

где возможно небо где книжная пыль горька
где увижу сквозь время как в новом спокойном дне
ты достанешь из сердца смятые облака
развернёшь под солнцем и улыбнёшься мне

p. s. коктебель

сны коктебельские тёплые млечные спит постоялый двор
к морю спускаются местные женщины — сонно под разговор

склоны пологие кажутся хмурыми это пройдёт к утру
рвутся с верёвок солёные сумерки хлопают на ветру

рвутся полощутся тёмные крепкие созданы на века
пригвождены облаками-прищепками не улететь никак

жизнь киммерийская тропы исхожены море хранит покой
мир одинокого макса волошина — вы для меня такой

я не овеяна вашими тайнами чтоб до сиянья глаз
знаю что есть у марины цветаевой много всего о вас

помню на фото гривастую голову плотной одежды креп
помню что вместе вы ели поломанный горький словесный хлеб

помню что были добры и участливы к жаждущему тепла
помню что в вашем кругу она счастлива здесь на земле была

может тогда заглядевшись на южное небо мечтала как
будет ночами московскими вьюжными сниться ей кара даг

в воспоминания эти беспечные кутаясь словно в мех
будет ей сниться как местные женщины с моря идут наверх

будет ей сниться как осень качается лодка плывёт вдали
как отступает но не кончается голос другой земли

***

Д. В.

мокрый снег с дождём переходит мне путь как сон
нежеланный беспамятный без особых примет
под неглинкой тревожно каменный спит дракон
охраняющий город тысячу долгих лет

первый снег плывёт набивается в воротник
замирает в лужах дышит едва-едва
а река последнее в русле тепло хранит
пряча тёмные руки в мокрые рукава

первый снег незваный острый — наперекор —
обжигает легкие чай бы сейчас и лечь
увязает в воздухе тянется разговор —
намокает слово и тяжелеет речь

чей-то образ знакомый жидкая тьма крадёт
фонари текут проливая на лица свет
это дмитрий воденников мимо дождя идёт
а за ним собака — прыгает ловит снег

***

горечь твоя бакарди кубинский ром
там не спасёт где холодом мир разъят
на киммерийский пляж мы пришли и пьём
солнечный коктебельский пустой коньяк

что здесь за осень — быстрая словно ртуть
только играло море теперь волна
чтобы согреться надо совсем чуть-чуть
не разглядеть звёзды не увидеть дна

ветер хватает за душу в ней разлом
небо насквозь хоть чёрный пиджак надень
на киммерийском пляже сидим и ждём
ищем немного солнца в морской воде

ветер берёт за горло незваный гость
нервы перебирает как на фоно
на киммерийский пляж опустился дождь
вот и коньяк закончился — здравствуй дно

***

тусклый фонарь платформа мокрые сигареты
сонно наощупь люди ищут в карманах спички
свет преломлен и порван — лучше совсем без света
зябко и зыбко скоро первая электричка

город сюда не едет время нас не обгонит
чётким не станет резким тащится еле-еле
ляжем-поляжем в тесном полусыром вагоне
ляжем-поляжем вместе в утренней колыбели

где беспокойный тяжкий сон на дожде настоян
осень плывёт по окнам влажным теплом объята
спите-поспите скоро кончится подмосковье
едем-поедем в город взрослые октябрята

едем-поедем тихо дети детей рабочих
старые пионеры новых чужих заветов
тянет-потянет поезд чёрный обрывок ночи
ляжем-поляжем рядом вне темноты и света

осень луи лепренса

так процарапан в жизнь чёрно-белый свет
будущий кохинур в миллион карат
время за объективом — ловить момент
глухонемую эру тому назад

время за объективом — волшебный лес
плоских фигур новейший палеолит
где вдохновенный гений луи лепренс
сад раундхэй увидит и оживит

осень врастает в кадры и ловит птиц
реки текут и стынут в глазах людей
остановись октябрь забежавший в лидс
запечатлеть прохожих и лошадей

остановись октябрь подожди чуть-чуть
этих мгновений мало войдёт в века
там где судьбы грядёт тупиковый путь
и киноплёнка ветхая коротка

жизни и славы меньше — чем быть зиме
новых не отмотаешь не повторишь
время уже за кадром луи эме
поезд уже ушёл навсегда в париж

***

палый свет лесной поперёк пути
на кроссовках грязь ветер ворот рвёт
впереди щенок — по тропе летит
на кусты рычит головой ведёт

как у леса щёки красны свежи
набекрень полнеба листва вразлёт
впереди меня чёрный пёс бежит
позади меня малый сын идёт

мне б добыть для них чудеса на жизнь
у ночных деляг — от небес ключи
у ноги моей пёс седой лежит
позади меня взрослый сын молчит

по глазам его палый свет плывёт
не видать конца у того пути —
позади него малый сын идёт
впереди щенок — по тропе летит

***

раннего утра густой пломбир
взбитого облака крем-брюле
кружится в сонных чаинках мир
в чашке на клетчатом ждёт столе

голос будильника — трень и брень
из-под подушки сердитый взгляд
плащ из сатина — во взрослый день
курточка с бэтменом — в детский сад

тот же у нас впереди маршрут
мимо дворов и кирпичных стен
мама а может я робин гуд
мама а может я питер пен

знаешь загадку про а и б
всё очень просто — смотри смотри —
буквы на рыжей сидят трубе
мама ведь там их не две а три

мама давай мы возьмём ведро
будто бы ягоды в нём носить
аз буки веди глаголь добро
альфа и бета и эй би си

темный узор на асфальт налип
птичьих крестов и собачьих лап
цепи качельные — скрип и скрип
дождь начинается — кап и кап

***

утро сонное время детское
резким звоном свербит в виске
перемена урок немецкого
тридцать первое на доске

за окном — в облаках проталинка
ветер пробует новый свист
я толкаю локтем виталика
guten tag du hast heute dienst*

время тянется время медлится
время — в небе ворон считать
процитируйте дети энгельса
или можете прочитать

на странице восьмой увидите
(взорван крейсер проигран бой)
эй камчатка а ну-ка выйдите
без родителей — ни ногой

канет утро в туманной замяти
хмурый полдень звонок вдали
сядем рядом под стелу памяти —
пересчитывать корабли

перелистывать жёлтый новенький
deutsch-lehrbuch** что всему пример
здравствуй шрайбикус здравствуй моника —
наши люди из гдр

** Добрый день, ты сегодня дежурный. (нем.)*
*** учебник немецкого языка (нем.)*

***

всё ещё за спиной ощущение лета
всё ещё промолчав прикипаем к словам
замыкаясь в своё одиночное гетто
разрастается осень темнеет москва

заведи мне таксист что-нибудь о высоком
этой чёртовой грусти и сердцу назло
ленинградка стоит растревоженный сокол
укрывается в хмарь — головой под крыло

обжигает гортань ледяная простуда
затекает в глаза как пустая вода
никому не пишу — никуда ниоткуда
мне не пишут в ответ — ни о чём никуда

время вырвет легко — если верить на слово —
неудобной тоски худосочный сорняк
у столицы октябрь и болит бирюлёво
и дымятся костры и гремит товарняк

***

что-то внутри не сходится
и ничего не знается
время к пяти бессонница
вместе со мною мается
быстро светлеют резкие
тени ночного празднества
бродит за мною — зверская
как идиотка дразнится

древнее слово бранное
в сердце дрожит полощется
что ж ты такая странная
вечная полуношница
вот у соседей выспались
бубны и уматурманы
думы давно обмыслены
мысли давно обдуманы

книжки давно прочитаны
радостные и грустные
овцы давно посчитаны
яблоки понадкусаны
утро по окнам стелется
и обещает радугу
вязкое время телится
полдень
твою же за ногу

***

в шумный город прорастает вечер
мнётся день как серый пластилин
с постера подмигивает черчилль
невесомой юбке мерилин

буйство песен ветреных и летних
облетит как с белых яблонь цвет
приходи в тоску тридцатилетних
где ты будешь сам себе привет

скрещивая пальцы на удачу
буднями осенними влеком
ты не пожалеешь не заплачешь
разучившись шляться босиком

отболев покатится за тридцать
жизнь моя (иль ты приснилась мне)
где ты будешь — сам себе вещица —
о любви гадать на потебне

кофе пить замешанный на густо-
синем дыме стихотворных строк
там где черчилль — головой на вудсток
и окно выходит на восток

***

не твори себе слово не падай в небо ничком
ты чего дичком оставайся воротничком
белым как наша жизнь — ни пятнышка посреди
голос не повышай кожу не холоди
у таких как ты небеса вразлом времена вразбег
что ни песня то в горле ком выходи на свет
демиурги хреновы дайте вас рассмотреть —
под маслоу мы пляшем и отучились петь
я как друг скажу не грузись пережди момент
из тебя талантливый выйдет в миру агент
по продаже кофе будешь одним из нас
золотой работник средний добротный класс
не идущий вразрез и главного поперёк
отче наш доу джонс провидящий наперёд
животворящего индекса новый ряд
говорит нам что цифры не пахнут и не болят
ты ведь знаешь что это единственно верный ход
даже если мы в твоё небо бросаем взгляд

***

шесть утра душа не в теле дум похмельная река
он встаёт включает телик на канале рбк
курс валют трамплины горки кто упал и кто кого
цены выше — гуще тёрки о прогнозах вто

на кровать костюм и галстук время денег казначей
давит он зубную пасту нелюбимый и ничей
грезит вслух о жизни бренной будто он на целый мир
главный менеджер вселенной всех девчонок командир

загибается от смеха собирается поёт
взять сейчас и не поехать на работу мать её
плыть бы в море на рассвете обходить зелёный мыс
а не мучить на планшете экономику и жизнь

не вдыхать катящий валом креозотный духмяной
павелецкого вокзала воздух горький и земной
даже к чёрту на анкоридж взять бы в осени оранж
ту что рядом едет в колледж пишет месседж про
дессанж

эх вы девочки картинки эх мы вечные никто
итальянские ботинки и китайские пальто
отвали тоска сюита впереди тяжёлый день
всё путём всё дольче вита вот такая хренотень

***

когда ослабеет звук
и станет в миру светло
подёрнется небом взгляд
в котором душа тиха
когда не согну руки
предчувствуя в ней стекло
когда опустеет плоть
засохнет как шелуха

я вспомню тот самый день
живительный тот мороз
где снег так похож на лёд
и солнце плывёт в глаза
я вспомню как ты пришёл
и санки мои принёс
и плед на них постелил
и ленточку привязал

когда серебро волос
теряя за прядью прядь
и память за пядью пядь
от берега как вода
начнет отходить назад
пойду я тебя искать
приду я к тебе тогда
приду я к тебе туда

у ночи твоей сидеть
где всё и всегда молчит
не ведая как свернуть
ответить и обмануть
и может быть в первый раз
скажу что слегка болит
немного совсем болит
так сильно болит
чуть-чуть

***

утренний воздух слегка горчит льётся в туманное молоко
как хорошо мы с тобой молчим так невесомо и далеко

город осенний тяжёл и зрим в стеклах витрин не поймать теней
как хорошо мы с тобой горим в вечном дедлайне коротких дней

где ни секунды не постоять крутится-вертится шар земной
как хорошо что тобой — не я как хорошо что и ты — не мной

падает серый на лица свет прячется эхо за шум и гам
как хорошо что тебя здесь нет как хорошо что и я не там

где теплотой голоса полны где посветлевших не спрятать глаз
где по-хорошему мы больны теми кто завтра полюбит нас

***

шепчет она опять разболелся шрам
видно к погоде ты слышишь как бродят там
тени в саду больничном на склоне дня
бродят вздыхают будто бы ждут меня

он отвечает не бойся всё так же тих
вечер сейчас мы двери запрём от них
видишь на сто замков на один засов
нам ли неспящим не наблюдать часов

(ты помнишь этих юных любовников вышедших из заката
неведавших что творят что песенка будет спета
ты их узнал они навсегда прекрасны)

она ему шепчет так из окна сквозит
шерстью палёной жжёной тоской разит
кто то там воет прячется по углам
кости болят к погоде ты слышишь там

он отвечает милая здесь их нет
окна закрыты наглухо ярок свет
время устало время село на мель
ты ничего не бойся ложись в постель

(у неё под ногами небо у него ладони
полны земляничного света солнечной крови
стекающей вниз красное-красное небо
красное-красное солнце густое пекло
и что-то внизу сверкает под облаками)

она ему шепчет утро уже вот-вот
скоро здесь будет врач и начнет обход
ангел морфина дарующего мне тишь
что ты молчишь ну что ты опять молчишь

(она забывает всё и глядит на землю
он забывает всё и глядит на землю
земля забывает всё и глядит на небо)

слова не говоришь

***

В субботу 14 июня 1919 года два человека начали исторический перелёт на демилитаризированном биплане Vickers «Vimy» IV.

порт сент-джонс тишина как слышите нас приём
шквальный ветер с запада не прекращает дуть
середина пути мы попали в серьезный шторм
над атлантикой буря пока продолжаем путь

девятьсот восемьсот четыреста шестьдесят
шестьдесят на высотомере вода в глаза
вими вими дружище нельзя повернуть назад
поднимайся в небо чёртова стрекоза

как же сложен был взлёт тяжело принимал простор
не хотела земля отпускать и тянула вниз
шестьдесят сто сорок сто тридцать и снова сто
артур глохнет мотор и дрожит под ногами высь

благоденствуй канада сейчас ты такой же сон
как ирландские острова путь ещё далек
я пойду по крылу попытаюсь исправить джон
я попробую джон да поможет нам в этом бог

шестьдесят на высотомере в лицо волна
океан разгулялся ветер над головой
помоги нам ведь мы расплатились за всё сполна
асы первого неба летчики мировой

повзрослевшие дети солнечного огня
опалённые души выветрены дотла
помоги нам дерзнувшим рваться в герои дня
помоги заблудившимся не поломать крыла

мы везунчики джонни в небо сквозь снег и лёд
поднимай хренов виккерс нам ли не взять высот
мы мечтали о звездах долог ещё полёт
двести триста четыреста
тысяча восемьсот

***

в чём сила брат в таинственной глуши
где солнца нет и меж деревьев гулко
где так смешно в медвежьих закоулках
предполагать наличие души

в чём сила брат в ответе на ответ
в котором снег и вечная досада
на то что есть на то чего не надо
на то что ждёшь и в этом смысла нет

в чём сила брат в наречьях в запятых
в придаточных в безличных предложеньях
в словах и сочетаниях густых
прижившихся не вызвав отторженья

в чём сила брат пустому мартабрю
неважно кто ты что умеешь нежно
где замкнут снег бессонно безмятежно
где спит душа и я тебя люблю

november

всё меньше дни всё более устало
встает рассвет всё глуше голоса
длиннее сны теплее одеяла
прозрачнее глаза

обрывки речи медленной и близкой
плывут в метро теряются в такси
и радио тоскует на английском
и дворник — на фарси

всё ближе снег острее спозаранку
холодный воздух легче голова
и вывернуты в лужах наизнанку
знакомые слова

их двойники что выцвели и сникли
всё четче слух и память глубока —
чужие невесомые артикли
снимая с языка

***

двадцать один ноль-ноль
уличный свет текуч
пятница и гудёж
возле метро галдёж
таня идёт домой
офис закрыт на ключ
таня идёт домой
в шумный ныряя дождь

дома никто не жив
дома никто не мёртв
дома никто не спит
и никого не ждёт
только зелёный чай
пицца и рейнольдс бёрт
парочка маргарит
мелкий в стакане лёд

таня себе верна
только своя волна
только себе война
мистер и миссис смит
только себе видна
только себе одна
таня идёт домой
кажется что летит

Античный герой

С. Б. Джимбинову

I

Солнечной Аттики выбелен известняк,
смотрится в море южный Пелопоннес.
Время — на пять теней, на один сквозняк,
солнце клонится вниз, обретая вес.

Скоро пойдут дорийцы ловить прилив,
путник усталый — пресной искать воды.
Скоро пойдут данайцы снимать с олив
тёмные золотистые их плоды.

Солнце глядит на Аргос, ползёт с холмов,
тянется вечер пыльной тропой к богам, —
в Аттику до Афин, где у всех домов
стены белы и падает свет к ногам.

Страстным тетраметром уличная строфа
ляжет на память, чтобы сменять века, —
там где любимец музы Аристофан,
щурясь от солнца, смотрит на облака.

II

Анаксимандр не спит. Сбегает по плечам
вселенский тихий свет сквозь лунную дыру,
где Апейрон плывёт — начало всех начал,
и неба полотно трепещет на ветру.

Анаксимандр не спит. Бессонны и вольны
раздумья и тоска, где город за спиной,
где Никты бродит тень под заговор волны,
и солнце до утра ушло за край земной.

Есть время, чтоб смотреть как тают корабли,
в морскую темноту ныряя как в проём,
земного вещества высчитывать объём,
и верить, что не тьма — огонь вокруг земли.

III

Андрокл, мой друг, выходи на бой.
Мы снова встретились здесь с тобой:
из всех двуногих существ навек
единственный человек —

ты, пред которым как прежде слаб
лев и невольник. Такой же раб,
такой же пленник своей страны —
мы в этом теперь равны.

Андрокл, мой друг, убери свой щит.
Ревут трибуны, — их рёв, как шип,
в песок вонзается, в тонкий нерв
земли, и взмывает вверх.

Сквозь боль и страх ты меня узнал,
цвет неба синий, цвет крови ал.
Пусть видят боги — в ответ врагам
ложусь я к твоим ногам.

Андрокл, ты слышишь, мой верный брат,
о чём они все молчат?

***

у неё с волосами что-то с бровями с ресницами
она улыбается тем кто со странными лицами
в ответ ей фальшиво лыбится опасается
будто нечто иное в глазах у неё кусается
а оно не кусается ведь победила и выжила
перешла все грани раньше смешная рыжая
нынче прозрачная бережёт себя будто миссия
есть у такого чуда зыбкого как ремиссия
и всё лезут ей в душу страдалицы и молчальники
миллиардеры и нищие гопники и начальники
а она хочет тихо у бога сидеть под боком
чтобы жизнь не спугнуть не выплеснуть ненароком

***

у неё есть всё — работа с утра до ночи
дома кухня и хлопоты маленькие заботы
ночью — муж на рассвете — в соседнюю школу дочек
на английский — сына а дальше опять работа
генеральный её называет моя надежа
потому что она стахановский многостаночник
улыбается даже когда её всю корёжит
и колотится сердце и сыпется позвоночник

иногда её муж орёт надоела сука
и тогда она спешно везёт для детей гостинец
всё надеясь — забудут как папа на трое суток
пропадая приносит запах ночных гостиниц
и чужого пота — в уютный мирок домашний
где всё те же часы на стене где за всё в ответе
где всё тот же борщ и заветренный кекс вчерашний
с мелкой сахарной пудрой которую любят дети

нынче ей пятьдесят а мужу как прежде тридцать
у него есть тайна — девочка врач на скорой
вышла старшая замуж а младшая — за границей
а она истончившись стала такой матёрой
что когда внезапно муж спросит ну как ты зайка
то она выбегает из дома в бреду усталом
где в полночную хмарь из груди вылетает чайка
и кричит протяжно над дымным водоканалом

***

чем тише голос тоньше нежность
и соразмерней с ритмом дней
тем детства хрупкая мятежность
внутри становится сильней

и ярче бывшее однажды
неуловимым как заря
плывет корабликом бумажным
по тёмным лужам ноября

где тени синие от ветра
манят холодной глубиной
плыви кораблик мой газетный
с портретом ники турбиной

плыви над тяжестью балконов
над пылью заводских дк
где пел серёжа парамонов
оставшись юным на века

плыви мой парусник-невольник
волною памяти влеком
туда где красный треугольник
завязан в сердце узелком

в слова звучащие высоко
там клятвы хлёстки и резки
где есть прекрасное далёко
и нет ни смерти ни тоски

ГАЛЕРЕЯ АКТЕР

***

иногда ты мне снишься — призраком из картины
отдалённым эхом воздухом паутинным
где танцуют пылинки солнечным каротином
и случайное слово кажется волшебством

мне тогда неважно будем ли были есть ли
в настоящем времени в том молчаливом если
тяготеющем к жизни где ты не реальней пресли
выдыхающего из музыки рождество

иногда ты мне снишься тенью вечерним бликом
на примятом снегу еле слышным но всё же криком
я тогда становлюсь чуть жёстче темнее ликом
и господь засыпает не обнимая нас

золотых детей беспокойных и нерадивых
промотавших время в отзвуках и мотивах
возвращаясь стихами песенным рецидивом
merry christmas baby you sure did treat me nice*

** Весёлого рождества, детка. Ты устроила прекрасный праздник для меня. (англ.)*

***

серой кошкой выгнется
и зевнув разляжется
утро у ворот

чтоб смотреть как озеро
всплёскивает рыбами
разевает рот

чтоб следить за птицами
голоса их тянутся
над землей летят

где растёт шевелится
в животе у облака
снежное дитя

***

они не разговаривают год
он ей не друг не враг не антипод
скорее мир впечатанный в сетчатку
всё так же делят общую кровать
кто первый разучился целовать
кем изначально брошена перчатка

никто не помнит он глядит в проём
окна и заглушает вискарём
молчание густеющее между
где бьётся ровно сердце под рукой
где он её лирический герой
она его последняя надежда

последний стих последняя глава
где время есть (кружится голова
от запаха имбирного печенья)
сплотившись в ожидании гостей
обнять внезапно выросших детей
заехавших к родителям в сочельник

***

ты раздёргиваешь себя по одной строке
чтобы с ним на работе встретившись налегке
беспокойную душу свою удержать за хвостик
норовящую вечно вырваться из руки
надеваешь дешёвое платье и каблуки
чтоб казаться чуть выше при самом обычном росте

ты выходишь из дома раньше часа на два
замирает сердце тают во рту слова
холодящим ментолом привкусом леденцовым
он глава компании утром во всей красе
приезжает на джипе он не такой как все
он не ездит на электричках из одинцово

у него говорят спокойный удачный брак
у него говорят есть дети но что да как
неизвестно ведь он для тебя недоступен кроме
как в мечте о прошлом — тёмная ночь нежна
он сказал было здорово но у меня жена
и поэтому обойдёмся без лишней крови

и с тех пор ты себя рассматриваешь на свет
всё ещё впереди в неполные тридцать лет
и живёшь как всегда улыбаешься по привычке
чтоб однажды утром сказать — улетай душа
и её отпустить наверх как воздушный шар
и уехать не оглянувшись на электричке

***

так стоишь на платформе
дуешь в ладони
говоришь себе жди
свежее серебро сбиваешь с воротника
а впереди нечто тёмное —
так же как позади —
надвигается словно ветер с материка
так стоишь на платформе
или идёшь в полуночный магазин
здравствуйте мне парламент пачку а лучше две
что ж вам не спится сонный зевнёт грузин
как тут уснёшь с ритмами рифмами
мыслями в голове
как тут уснёшь будучи к сквозняку спиной
с солнцем под головой
от которого голос горяч и сух
если внутри не январь а бродячий хмельной
беспокойный июль
и летит тополиный пух

***

катится снежным валом густая сырость
серое утро ходит по головам
я без тебя ношу этот снег на вырост
там где обычно небо трещит по швам

тёмный январский ветер заводит танцы
трётся у стен отрывается от земли
мы невидимки летние самозванцы
солнечные и нищие короли

снег наплывает и сокращает мили
в долгие песни зимний вобрав азарт
мне без тебя все речи на суахили
там где обычно всё говорят глаза

там где обычно мало дано для счастья
летние боги мы невесомей всех
жгучий январь сжимает моё запястье
в пальцах холодных и тянет куда-то вверх

уфа

небо выветрено до хруста
купол храма и минарет
вечер зимний как сон изустный
там где не было нас и нет
зябнут тени в углах балконных
и ложится на две руки
град равнинный и плоскодонный
пришвартованный у реки
берег долгий речист и ломок
подо льдами кружит вода
кто ты странник или потомок
тех кто раньше пришёл сюда
илля ллах проплывет по коже
илля ллах не садись на мель
богородица святый боже
агидель моя агидель

***

А. П. Цветкову

как там у вас наверное рассвет
молчит гудзон и сходит ночь на нет
и вверх растёт кирпичная аллея
глядит окно на роуд или стрит
где лавка круглосуточно не спит
фасуя по пакетам бакалею

как там у вас наверное теплей
уже весна поставлена на play
при наглухо задраенной пустыне
большой страны где чужды и тихи
испуганные ранние стихи
которых будто не было в помине

у нас сегодня минус двадцать два
дрожит в маршрутках зябкая москва
и всё как прежде просто и понятно
всё так же тень под вечер пробежит
всё так же в небе чертят чертежи
чумазые вороньи чертенята

всё так же люди падают в слова
плетя в своем полете кружева
война и мир все так же неизменны
где каждый в жизни сам себе гарант
где каждый первый — внутренний мигрант
где каждый третий — гражданин вселенной

фуга ре: письмо агаты кристи

здравствуй мой арчи всё у меня в порядке
я не осталась в йоркшире — дальше в глушь
сердце спокойно мысли всё так же гладки
может и нет но это такая чушь

здравствуй мой арчи путь у меня неблизкий
падая вниз я падаю нынче в высь
этим письмом беспомощно по-английски
я завершаю нашу с тобою жизнь

здесь у меня гостиница в захолустье
белые занавески к утру светлей
арчи ты знаешь в этой туманной грусти
небо харроугейта глядит в суррей

знаешь ли мир всё тот же закрытый ларчик
ключ подо льдом руке не достать до дна
арчи ну что ж ты сделал зачем ты арчи
кто я теперь сидящая здесь одна

слово молчит всё резче и голос суше
комната дремлет замкнутая в себе
где тишина болит прорастая в душу
белым пятном ложится в моей судьбе

кто я и почему мне стоять на запись
к богу чтоб жить как прочерк инфинитив
старая жизнь не требует доказательств
новая жизнь не тянет на детектив

веришь ли арчи в прошлое нет возврата
это письмо где ты мне как прежде мил
я не отправлю подпись твоя агата
миллер зачеркнуто подпись тереза нил

2014.ua

I

жизни нет говорит жизни нет говорит и плачет
смерти нет говорит и она ничего не значит
там где брат забежавший намедни за хлебом-солью
возвращает в спину жгучей солёной болью
тёмной и беспросветной тоской свинцовой
хлебом железным лезвием по берцовой
так его люде за это в пустой желудок
чтобы не жрал собака чтобы не жил иуда
чтоб не дышал паскуда будет нам всем заглушка
так же как мне державшему вас на мушке
так и тебе отследившему нас в прицеле
будет дорога туда где ни дна ни цели
ни руля ни ветрил в солнечной карусели
там где ещё вчера не враги не звери
выйдем с тобою брат мой за эти двери
встретимся и воздастся нам всем по вере

II

ты никто и я никто
вместе — чей-то интерес
мальчик в порванном пальто
с калашом наперевес

аверс реверс или гурт —
стоя в линии огня
сможешь брат мой или брут
взять и выстрелить в меня

ты один и я один
вместе — нас с тобою нет
мальчик в куртке впереди
под сукном бронежилет

дух без тела невесом
обходи нас обходи
здесь гвоздики — не в сезон —
расцветают на груди

расползаются по льну
их кровавые края
в мире снова — про войну
что у каждого своя

III

прозрачный март простуженная тень
вдоль улицы и вызревает день
в темнеющем размякшем подмосковье

идёт весна не ведая что там
в другой стране по ком звучит там-там
чей бывший лидер прячется в ростове

и кто кричит под флагами ура
о чём переливают мастера
густую воду взглядов и объятий

здесь тишина — в провинции на дне
любой судьбы здесь помнят о войне
где все ещё товарищи и братья

здесь время полустанками ползёт
за поездами тает креозот
и дух его плывёт в попутном ветре

где увязает странная молва
под хриплый голос радио москва
в окне на сто двадцатом километре

***

пять минут до поворота
сколько лет и сколько зим
жизнь — дорога до работы
и с работы — в магазин

скоро стрелка часовая
завершит свой мерный круг
скоро — яростно зевая —
тело выпадет в facebook

что-то вспомнится родное
как советская треска —
то разгулье удалое
то сердечная тоска

ни огня ни слова матом
спит район навстречу мне
только кошки полосаты
попадаются одне

***

город кирпичный арочный с ветром на брудершафт
валя сидит на лавочке вяжет для внука шарф

солнце плывёт осеннее тянется нить наверх
вале давно за семьдесят валя живее всех

мимо идут прохожие — за день десятки глаз
валя вздыхает боже мой мир не догонит вас

пряжи цветной акриловой маленькие клубки
как вы спешите милыя жить наперегонки

многоэтажный ошую дом и пылится двор
сядь-ка со мной хорошая видишь какой узор

видишь как тает улица тени вокруг легли
валя сидит и щурится — не пропустить петли

солнце за город катится — где бы припасть на бок
словно котёнок ластится к пальцам её клубок

***

сохнет роща у ларька
на дворе трава
вьётся узкая река
в сгибе рукава

скоро воздух станет прян
и медов на вкус
будет местным колдырям
славный перекус

дух весенний над шоссе
дом стоит в траве
задом к лесополосе
передом к москве

скоро зримей от густой
солнечной волны
станет пыльный долгострой
с правой стороны

станут выше этажи
неба тоньше срез
здесь был вася здесь он жил
здесь он вышел весь

***

человек перед богом тише воды ниже травы
ближе к себе но с миром уже на вы
встретивший окончанье того что болит в груди
тишиной впереди пламенем позади
человек отпускает душу цепкую как вьюнок
прирастающий к стенам дома к витой ограде
оставляя полстрочки в общей земной тетради
был судьбою богат смертью не одинок

***

снова не так как жилось и хотелось
чтобы свободно крутилось-вертелось
чтобы спокойно спалось

время опять запуская пластинку
с песнею старой — под ту же сурдинку
ищет ответ на вопрос

в памяти мира где тьмою извечной
встал между совестью вздохом и речью
чей-то бессрочный конвой

мнящий себя и сильнее и выше
жизнь разделивший на тех кто не вышел
рожей судьбою страной

макро

золотые плывут облака
одичалые травы густы
в кадре полдень на снимках цветы
прорисованы до завитка
сила вздоха настолько легка
сила дрожи настолько мала
не спугнуть — в сердцевине цветка
битый час копошится пчела
что сквозь птичий горластый припев
и прохладного ветра порыв
на мгновение вдруг замерев
как пришелец глядит в объектив

***

вызревает глина темнеет мрамор
прикипает дождь к моему окну
жизнь тонка внутри не имеет рамок
но в пределах взгляда проста в длину
от того что вроде глядишь без фальши —
под контролем каждая ерунда
пусть она такой остается дальше
понимаешь — дальше и навсегда
чтоб не жить как душной весной астматик
что вдохнув смертельно больной зари
разметался в жаркой пустой кровати
и в бреду бессвязное говорит
открывай задачник в начале света
помолчи со мною душа моя
потому что я не хочу ответов
на вопросы смысла и бытия
слышишь дождь опять расправляет плечи
все под богом — вечная голытьба
мне с тобой молчать бесконечно легче
если ты не память и не судьба

***

золотое летнее межсезонье
подпирает небо охотный ряд
мы сидим в кофейной транзитной зоне
ни о чём по сути не говоря
ни о чём в словесном плывем тумане
где сказать о главном — удар под дых
где рисует уличный пиросмани
нас с тобой — рассеянных и земных
а июльский день заметён до края
тополиным пухом жарой налит
в паутине солнечной догорает
и в закате обморочном кровит

***

не в том печаль что вышел за порог
оставив память тающей картинкой
а в том что при слиянье двух дорог
не выветвилась общая тропинка

бегущая вдоль тёмного холма
той заповедной тропкою овечьей
куда не наступала человечья
нога и я не ведала сама

не в том печаль что вышел в дождевой
холодный мир — ни горечи ни боли
моя душа плывущий в небе кролик
что дергает ушами как живой

***

С. К.

плоское облако степь волной времени лучше нет
вдоль по дороге плывёт за мной белый вишнёвый цвет
летнее утро — в такую рань вот уже километр
ты подъезжаешь — держись кубань — на мотоцикле днепр

старом тяжёлом такой кинг-конг дедов ещё реликт
ветер срывающий капюшон — он для меня велик
скоро накроет шатром жара солнце взойдет в груди
всё это было ещё вчера — многое впереди

рыжее стадо вечерний зов сонного пастуха
синее небо что твой азов — гладь у него тиха
мыкнет корова сердитый крик звякает бубенец
за палисадником базилик выполот наконец

белою лодкой плывёт макряк дремлет в загоне свин
дёргает холкой блестит пятак — счастье случилось с ним
тихая бабушка за окном в светлом резном дому
всё это было давным-давно тысячу лет тому

***

воду не пить с лица — из одного ларца
вышли как будто двое мигрантов с сансет
мама смеялась — дочь у твоего отца
имя как у художника ренессанса

яркая бирюза чёрный обсидиан
как вообще случилась такая встреча
мама сказала — он модник и меломан
больше смеялась крыть извини нечем

взгляд его был смел мог растопить снег
вот от кого земное твое витийство
сколько прошло лет льётся в окно свет —
утренний позолоченный флорентийский

***

я выхожу и отключаю свет
и гаснет вместе с завитком вольфрама
туманом заштрихованный портрет
оконная белеющая рама

кривой обломок розовой луны
на шторы не отбрасывает тени —
колышутся индийские слоны
в лиловую сгустившуюся темень

вся комната сжимается в комок
пытаясь нервно выскользнуть из мрака
вздохнет во сне как маленький щенок
невидимая чёрная собака

и заскулит о чём-то о своём
проснётся встанет перейдёт чуть ближе
к порогу беспокойно нос оближет
и вновь уйдёт в щенячье забытьё

***

всё больше веришь присказкам и снам
блуждая между трёх привычных сосен
и в сердце снова просится весна
когда на небе проступает осень

когда идёшь сквозь уличный прибой
накатывающий и ты молчишь как
вся немота где об руку с тобой
подпрыгивает солнечный мальчишка

к большим шагам примеривая шаг —
что сбивчив и знаком по малолетству —
где дёргает за джинсовый пиджак
тебя твоё же собственное детство

***

спит вероника снится ей что он
опять пришёл и кашляет под дверью
держа в руке задрипанный пион
цветок осенний с дождевою прелью
на лепестках и красноватый дым
как будто бы расходится над ним

спит вероника снится ей открыл
своим ключом но тихо не тревожа
и темнота как загустевший ил
всплывает рыжей мутью над прихожей
прошёл на кухню где в полночный час
шипит в конфорке невесомый газ

спит вероника снится ей что твердь
небесная вскрывается как ящик
и ждёт её а он за горло смерть
берёт рукою сильной и дрожащей
но ядовит невидимый укус
замедлив кровь воздействует на пульс

спит вероника снится ей что жизнь
на пару с ним раскачивает лодку
и в лёгкие вливается проснись
проснись ну что же ты за идиотка
плывёт ладья по шахматной доске
и бьётся тонко жилка на виске

***

нежные цветоножки маленькие дворняжки —
солнечные ромашки северная линнея
выживши понарошку к вечеру пахнут тяжко
сорванные в июле — их аромат больнее
сумерки глубже света не зацепить корнями
стебли врастают в небо дышат закатной пылью
мёртвой водой согреты прячутся за тенями
и лепестки всё так же складывают как крылья

Памяти М. Е.

…вечером в четыре в голове
лопнет электрическая нитка
подрожит немного и внутри
задохнется пленная улитка
старая улитка розмари

М. Квадратов

вот уже четырнадцатый мчится
скоро позабудут перетрут
говорила младшая сестрица
не ходи иванушка на пруд

атомного неба фиолетов
цвет и жизнь по лезвию ножа
из воды чернобыльской из леты
можно не доплыть до рубежа

нынче время чуткое как стронций
новый начинается сезон —
место отвоевывать под солнцем
оттесняя тень за горизонт

где просела чёрная калитка
в радиоактивный перегной
и живёт цветочная улитка
в завитушке — против часовой

***

по телику вести из ближнего царства
горящий рудник
о чём-то бормочет съезжающий галстук
кричит новостник
а дома на ужин салат и котлеты
вскипает вода
какое же нынче горячее лето
цветет череда

какое кино нам покажут назавтра
какую золу
увидим чтоб снова под утренний завтрак
стучать по столу
подпрыгнет тарелка мы в собственной кухне
во гневе страшны
гори не сгорай никогда не потухни
сознанье страны

растопленным маслом плескается утро
горланят дрозды
шипящий кофейник всё вечно и мудро
и всё до звезды
по телику кто-то ложится на пули
не спрятавши глаз
где тёплое поле и небо июля
бессмертнее нас

Сделано в СССР

I

Сползает луч на донышко пруда,
блестит асфальт, растёт трава у дома,
отображает мутная вода —
чуть искривлённо — крышу гастронома.

Стучит о блюдце жёсткий рафинад,
звенит в стакане солнечная ложка,
и Маяковский, возвышаясь над
моею головою, вверх обложкой

лежит на антресолях. Я в гостях
у бабушки. Теплеет аскорбинка
на языке. В последних новостях
всё та же чёрно-белая картинка.

…Июльский день купается в пыли:
он снова здесь, на этом снимке замер.
Всё впереди, — и даже Лора Палмер,
которую у озера нашли.

II

Фильм окончен в кинозале,
все сгрудились у реки:
— Слышишь, Юлька, отыскали
что-то в волнах рыбаки.

Стонут лодки, свищет ветер,
воет Бимка у крыльца.
— Тятя, тятя, наши сети
притащили мертвеца!

Мы глядим во все гляделки,
даже Юлька ни гу-гу.
Как тряпичная поделка
он лежит на берегу

с посиневшими плечами,
утонувший по весне.
Как же спать теперь ночами
и не вскрикивать во сне?

— Слышишь, Юлька, дай мне слово,
что останешься со мной,
чупакабра нынче снова
ходит-бродит за спиной.

III

Однажды мы увидели его
в окне пустого дома, где на клейстер
налеплены газеты. Ничего
не помню больше я о полтергейсте,

над чёрной плиткой с красным завитком
склонившемся, как будто греет руки.
Росла зима и превращалась в ком,
катящийся под горку. Мы в испуге

бежали врассыпную (будто врозь
надёжней скинуть страха отголоски)
домой, где чёрно-белый Кашпировский
глядел на мир, и видел всё насквозь.

***

утро техникум раздача
новых книжек недостача
склеишь старые — видны
очертанья лучшей жизни
где в мечтах о коммунизме
все свободны и равны

стяг алеет эра зреет
в школе девочка взрослеет
жизнь по правилам игры
где из детской самоволки
путь-дорога комсомолке
в штукатуры-маляры

утро техникум проекты
аккуратные конспекты
мир ударницы труда
у неё трусы из хлопка
у неё упруга попка
и стремленье — навсегда

из общаги где обглодан
каждый образ в бурда моден
юбка новая весьма
соответствует картинке
стонет швейная машинка
рвётся тонкая тесьма

и воланы голубые
будет свет в периферии
будет слава и почёт
книжки падают с кровати
килька плавает в томате
утро техникум зачёт

***

небо гуще город шире
в золотистом кашемире
ходит осень по квартире
на диване скомкан плед

остывает в чашке ложка
подожди ещё немножко
в холодильнике окрошка
мой не ужин не обед

зреют тени на паркете
нынче нас никто не встретит
огонёк в тумане светит
вместо лампы в сорок ватт

день окончился недолог
я люблю дождливый морок
а ещё зернистый творог
он слегка солоноват

***

первый урок голубая тетрадка
в новеньком ранце букварь и конфета
чистая пропись где вместо закладки
плоский цветок с позапрошлого лета

как же реке без меня просыпаться
лесу что так до конца не прочитан
как же теперь если в новом абзаце
школьные стены и строгий учитель

пальцы в чернилах и тонкие плечи
сгорблены в этом старанье прилежном
буквы всегда получаются легче
гнущейся веткой на иле прибрежном

буквы всегда получаются лучше
там где они не напишутся гладко
синие точки тире закорючки
первый урок голубая тетрадка

***

Д. К.

от достоевского до фонтанки
переплетения тротуаров
в лужах серебряных наизнанку
мимо дворов и кирпичных арок

мимо облупленных известковых
стен мимо замкнутых переулков
где на антенны повязан ворох
туч и шаги отдаются гулко

мимо балконов времен совдепа
мимо купеческих окон жэка
мимо афиши где джонни деппа
разрисовали опять под джека

мимо домов петербургских мимо
всех остановочных полустанков
как хорошо здесь спасибо дима
что проводил меня до фонтанки

***

родиться бы на взморье где закат
кровавые споласкивает длани
и городок что тих и лютеранен
оранжевыми крышами покат

где волны серебристые как ртуть
ночной улов проигрывают на спор
и поутру рассказывает пастор
христову человеческую суть

где свет от сентября на волосок
густеет днём и обнажает виды
на побережье слышно sola fide*
и лодка носом тычется в песок

родиться бы на взморье где на треть
срослись с водой обкатанные глыбы
солить в бачке непроданную рыбу
прожить всю жизнь и там же умереть

** только верою (лат.)*

Памяти М. Цветаевой

не болеть обо мне дорогой стране
а болеть обо мне лишь одной родне
да и то хорошо если хоть на треть
есть кому горевать и кому болеть
есть кому встречать подбирать слова
есть кому вздыхать говорить едва
есть кому услышать внутри страны
как молчит поэт на краю войны
ну а если нет никакой родни
мы с тобою смерть проживём одни

***

в пустоте многоэтажной
говори со мной
грустью скомканной бумажной
и берестяной

дни толпятся затихая
к сентябрю молчат
говори со мной стихами
напиши мне в чат

как считает осень в либрах
каждый листопад
говори со мной верлибром
про её распад

про холодный этот вечер —
чувствуешь спиной —
о сегодняшнем о вечном
говори со мной

беспокойно и открыто
с жизнью налегке
на каком-нибудь забытом
древнем языке

***

предрассветной прохладою скован
куст цепляет меня за рукав
это осень пришла в подмосковный
золотисто-зелёный анклав

это падает в чёрную воду
пересушенный ветром сорняк
это летнюю сонную одурь
всё стряхнуть не удастся никак

льётся утро в небесную полость
отражается свет от реки
это осень её дневниковость
начинается с красной строки

будут тени ложиться на плечи
будут дальние чащи видны
где смертельна инъекция речи
в первобытную кровь тишины

***

южнорусская осень продлёнка
теплый ветер — степной берендей
побежали на берег алёнка
там сегодня пасут лошадей

там сегодня идут к водопою
сивки-бурки от солнца устав
там над мелкой зёленой рекою
переломлен хребет у моста

выпрядается в воздухе тонко
паутинная липкая нить
помнишь как мы с тобою алёнка
собирались навеки дружить

но пока ещё вечно соседство
по степным низкорослым домам
и хрустящие яблоки детства
мы в карманах несём лошадям

***

I

здравствуй франческо пишет тебе лаура

годы мои медлительны как луара
вечная осень солнечная текстура
утреннего муара

сонная память ловит чужие рифмы
в мире моём — вершины многоэтажек
в сердце моём — всё те же сплошные рифы
в жизни моей всё так же

город плывёт в октябрьской круговерти
ветер стучится в окна закрыты двери
время дожить до самой последней смерти

II

данте мой алигьери
пишет тебе из города беатриче

джинсы кроссовки чёрный пиджак на плечи
жизненный распорядок давно привычен
только твой голос вечен

где-то внутри зовущий меня в дорогу
из теплоты пухового одеяла
от осознанья что в двадцать всего так много
в сорок всего так мало

голос мне говорит посмотри как тает
утренний свет небесная оболочка

III

ты же моя красавица золотая
девочка-одиночка

***

короткому свету вторя становится ночь длинней
пристёгнуто к берегу чёрное море
на пуговицы камней

ход времени непреложен и воздух как тонкий шёлк
на тёмной аллее проснувшийся ёжик
дорогу мне перешёл

спускаясь к воде в потёмках мы осень с тобой одни
увидим как тают в курортном посёлке
блуждающие огни

как тёмной тоскою острой в густой черноморский брют
вплывает баркас и молчит полуостров
пристёгнутый к сентябрю

***

время прёт из берегов гонит по миру волну
в доме двое мужиков делят женщину одну

старший грозен голосом
младший твердолобее —
созданный по образу
взрощен по подобию

расставляя по местам от родин и до седин
время ходит по пятам а за ним отец и сын

как по леву — маленький
как по праву — зримое
маленькому — маменька
взрослому — любимая

старший высохнет лицом что дано — потрачено
младший вырастет юнцом из смешного мальчика

жизнь густое варево
создано разделено
молодое зарево
родовое дерево

***

в ухе радио трындит
расширяя нато
в переходе бомж сидит
борода из ваты

от креплённого вина
жёлтого токая
у него в глазах стена
серая такая

утро бродит по домам
в окна залетает
в белом ватнике зима
сделано в китае

время чёрная змея
входит и выходит
молча родина моя
дремлет в переходе

***

...а когда ей бывает холодно
она прячется в этой комнате
в тёплой уютной комнате
в самых глубинах памяти
где равны на четыре стороны
расстояния и приколоты
к стенам постеры вы их помните
общее детство знаете

ну так вот — она в этой комнате

а) с маленькими подругами
б) с кукольными затеями
в) с будущими супругами
г) с юными прохиндеями
д) с нынешними злодеями
е) с завтрашними потерями
ж) с облачными идеями

это — актёры мыльные
это — страницы пыльные
это — друзья старинные
их монологи длинные
это — печенья сдобные
это — кресла удобные
это — соседи добрые
ну и тому подобное

хрупкое многогранное
мысленное приданое
жизнь до того привычная —
смерть не найдёт попятится
на поверку всего лишь сильная
личность не обсессивная
ровная и обычная —
просто умеет прятаться

***

дождь проточный пункт конечный
за туманным молоком
ветер встречный крест аптечный
темнота под козырьком

дремлет сонное посконье
ткутся те же времена
чем далече в подмосковье
тем суровей тишина

мокнут спички по привычке
ноги месят глинозем
зеленеют электрички
от трёхгорки до вязём

провисает мокрой ватой
небо холодом бодря
от огня до чёрной хаты —
середина ноября

***

ветром порывистым соткан
дремлет в преддверии вьюг
город впечатанный в окна
серой картинкой превью

день оплывает огарком
тени вокруг распластав
хрустнет в обветренном парке
ломкий древесный сустав

скрипнет седая брусчатка
замерших тёмных аллей
только бы в тонких перчатках
стало чуть-чуть потеплей

только бы к дому и — возле —
ключ отыскать не спеша
только бы уши не мёрзли
и вместе с ними — душа

***

окунувшись в хмурое ненастье
в мелкую предутреннюю взвесь
осень замигает и погаснет
в электронном поле gps

пронесется чёрная машина
за туманом фарами горя
распрямится сжатая пружина
снежного глухого декабря

там где время хрупкое ломаясь
от земной отцепится коры
чтобы снова течь не изменяясь
до такой же будущей поры

где зима врывается без стука
и опять высчитывают дни
призрачные лётчики фейсбука
вечные зелёные огни

***

ночь за порог отошла незримо
и проскользнула мимо
друг написал мне вчера любимый
знаешь теперь враги мы

я же в ответ промолчала только
рвётся — наверно тонко
долго ли думал чего ты колька
хоть объяснил бы толком

вот и посуда с утра не мыта
нынче душа как сито
вот и метель за окном ершиста
у твоего фашиста

нас ли война обнесла курсивом
в сотую часть улова
жили бессмертно умрём красиво
посередине слова

***

распушился в голой кроне
воробьиный плебс
дед петрович на балконе
посадил турнепс

чем не вечная теплица —
прорастёт всегда
там где жирная землица
солнце и вода

эх весна — по тёмным лужам
небо распусти
расцветай в балконной стуже
в ящике расти

чтобы голод взявший крепко
в тех сороковых
отступил — вскорми нас репка
мёртвых и живых

молодым — не помешаешь
внукам — смех один
ты расти расти большая
вырастешь — съедим

***

говорила она с тобой ни любви ни света
отвечал он с тобою на всякую радость вето
говорила она я впрочем не жду ответа
ведь не то так это

у меня от твоих придирок на сердце копоть
отвечал он иди ты к чёрту язык твой — коготь
всё когда-нибудь кончится даже судьба конечна
а ну да конечно

как же вышло что стали зрячие вдруг незрячи
да оставь ты дура этот свой бред собачий
ты бы тоже заткнулся слышишь заткнись иначе
вот добились — плачет

ах малышка не плачь поцелуем тебя в височек
из бесплодной земли пробившийся колосочек
ну какая красавица правда же выйдет в люди
и счастливой будет

***

ночь пришла — никто и некто
села на краю
электронного коннекта
баюшки-баю

сон тяжёлый как титаник
скоро апогей
дремлет в тумбочке паланик
и хемингуэй

дремлют улицы ажара
спит его париж
спят снега килиманджаро
и вздыхают лишь

с зачарованною скукой
белок в колесе
все неспящие фейсбука
инстаграмма все

тили-тили трали-вали
новый час пошёл
мы бежали и устали —
это хорошо

сквозь онлайн плыви на волю
в поисках живца
утра облачная долли
белая овца

СОДЕРЖАНИЕ

Тонкие настройки. Ирина Василькова 5

кинематография 9
по ночам из сети он качает порно 12
у тебя на днях сломалась 13
люди и игры 15
не сиди-ка дома не дуй на воду 16
и вся её москва второй подъезд 17
сахара 18
а она выплывала из моря и видел я 19
разговор в кофейне зыбок словно бриз 20
закруглённого неба скомканный парашют 21
p. s. коктебель 23
мокрый снег с дождём переходит мне путь 24
горечь твоя бакарди кубинский ром 25
тусклый фонарь платформа мокрые сигареты 26
осень луи лепренса 27
палый свет лесной поперек пути 28
раннего утра густой пломбир 29
утро сонное время детское 30
все ещё за спиной ощущение лета 31
что-то внутри не сходится 32
в шумный город прорастает вечер 33
не твори себе слово не падай в небо ничком 34
шесть утра душа не в теле дум похмельная река 35
когда ослабеет звук 36

утренний воздух слегка горчит 37
шепчет она опять разболелся шрам 39
порт сент-джонс тишина как слышите нас приём 40
в чем сила брат в таинственной глуши 41
november 42
двадцать один ноль-ноль 43
Античный герой 44
у неё с волосами что-то с бровями с ресницам 47
у неё есть всё — работа с утра до ночи 48
чем тише голос тоньше нежность 49
иногда ты мне снишься — призраком из картины 51
серой кошкой выгнется 52
они не разговаривают год 53
ты раздёргиваешь себя по одной строке 54
так стоишь на платформе 55
катится снежным валом густая сырость 56
уфа 57
как там у вас наверное рассвет 58
фуга ре: письмо агаты кристи 59
2014.ua 60
пять минут до поворота 63
город кирпичный арочный 64
сохнет роща у ларька 65
человек перед богом тише воды ниже травы 66
снова не так как жилось и хотелось 67
макро 68
вызревает глина темнеет мрамор 69
золотое летнее межсезонье 70
не в том печаль что вышел за порог 71
плоское облако степь волной 72
воду не пить с лица — из одного ларца 73

я выхожу и отключаю свет 74
всё больше веришь присказкам и снам 75
спит вероника 77
нежные цветоножки маленькие дворняжки 78
Памяти М. Е. 79
по телику вести из ближнего царства.....80
Сделано в СССР.....81
утро техникум раздача 84
небо гуще город шире 85
первый урок голубая тетрадка 86
от достоевского до фонтанки 87
родиться бы на взморье где закат 88
Памяти М. Цветаевой 89
в пустоте многоэтажной 91
предрассветной прохладою скован 92
южно русская осень продлёнка 93
здравствуй франческо пишет тебе лаура 94
короткому свету вторя становится ночь длинней 95
время прёт из берегов гонит по миру волну 96
в ухе радио трындит 97
а когда ей бывает холодно 99
дождь проточный пункт конечный 100
ветром порывистым соткан 101
окунувшись в хмурое ненастье 102
ночь за порог отошла незримо 103
распушился голой кроне 104
говорила она с тобой ни любви ни света 105
ночь пришла — никто и некто 106

Литературно-художественное издание

Яна-Мария Курмангалина
ПЕРВОЕ НЕБО
Стихи

e-mail: augustfuture@gmail.com
https://www.facebook.com/yanamariak

Редактор: Дмитрий Коро
Компьютерная вёрстка, макет: Владимир Пшеничный
Фотоиллюстрации в книге: Андрей Тарасов
Техническая помощь в оформлении: Дмитрий Межевич

Подписано к печати 04.03.2015. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Calibri.
Усл. печ.л. 6,4. Тираж 300 экз.
Заказ № М/М 12-05

Издательство Андрея Олеара (ООО «ИД СК-С»)
Россия, 634055, г. Томск, ул. Вавилова, д. 14.
Тел. / факс: (3822) 493-400, 493-403.
E-mail: olearbox@yandex.ru